
НАЦИОНАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ГРАНИЦЫ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

О. Н. Тынянова

Статья представляет собой критический анализ концепта «политическая глобализация» как использующегося геополитическим гегемоном в целях снятия принципов национального суверенитета, национальных интересов, баланса сил, а также самой категории «экспансия». Обосновывается особая роль государства как основного субъекта международных отношений и гаранта мир-системного разнообразия, а также роль государственной границы как меры реального суверенитета в условиях кризиса Вестфальской системы, порожденного информационной и экономической глобализацией. Рассматриваются отдельные аспекты общетеоретических оснований разработки пограничной политики государства в поствестфальскую эпоху.

Ключевые слова: *политическая глобализация, суверенитет, геополитический гегемон, Вестфальская система, экспансия, управление, государство, национальные интересы, пограничная политика государства.*

Вплоть до недавнего времени хорошим тоном среди представителей общественных наук было употребление, а порой и злоупотребление терминами «десуверенизация», «размывание/эрозия суверенитета», особенно если (и когда) эти термины использовались в исследованиях, посвященных проблемам глобализации.

В последние годы, однако, появились такие лингвистические «новообразования», как «реальный суверенитет» и «суверенная демократия», а из политического и политологического лексикона все чаще извлекаются еще недавно казавшиеся устаревшими и не вписывающимися в контекст глобализации понятия «суверенное государство» и «национальный суверенитет».

Между тем и сам глобализационный контекст, точнее, глобализационный дискурс (понимаемый в данном случае как социально обусловленный способ и стиль репрезентации реальности), отнюдь не так однозначен, как представляется на первый взгляд. Действительно, если экологическая, экономическая и информационная глобализация не вызывают (или практически не вызывают) сомнения, будучи логическим следствием управляемой хозяйственной деятельности человека, то смысл, вкладываемый в понятие «политическая глобализация», оказывается куда более сомнителен, хотя, казалось бы, последняя есть закономерное и неизбежное следствие вышеупомянутых экологической, экономической и информационной глобализации. Подобную весьма распространенную точку зрения отражает, в частности, мнение А. И. Фурсова, согласно которому экономическая глобализация есть «такой процесс производства и обмена, в котором благодаря господству ин-

формационных (то есть “нематериальных”) факторов над вещественными (“материальными”) капитал, превращающийся в электронный сигнал, оказывается свободен практически от всех ограничений локального и государственного уровня – пространственных, материальных, социальных. Это... победа времени над пространством и, естественно, тех, кто контролирует время (капитал), над теми, кто контролирует пространство (государство)» (Фурсов б. г. а).

Зададимся, однако, вопросом: так ли это?

Уже первые проявления мирового кризиса показали, что транснациональные корпорации оказались не только значительно менее жизнеспособны, нежели те национальные государства, к помощи которых начали взывать рушащиеся одна за другой финансовые империи. Оказалось, что все они – в том числе и в лице своих владельцев – имеют вполне конкретные национальные «адреса прописки» и зачастую если и не выполняли определенный «государственный заказ», то по крайней мере выступали «агентами» того или иного государственного влияния. Так, по мнению профессора Университета Дж. Мейсона (Вашингтон, США) Дж. Голдстоуна, бизнес развивается, отвечая на побуждающие импульсы правительств (Голдстоун 2009).

Однако и в период экономического подъема большинство глобальных проблем имеет одновременно четко выраженный территориальный характер: финансовые, людские и информационные потоки, пересекая государственные границы, попадают на территории национальных систем законодательства и регулируются ими. На национальном суверенном уровне – и исключительно на нем – регулируются и ключевые вопросы прав человека – социальная защита и семейное право (Бородачев 2009: 152). Несомненно, все более возрастающие скорость и объем трансграничных потоков становятся вызовом для современных государств, заставляя последних постоянно (и часто весьма успешно) искать и находить все новые ответы на эти вызовы, однако вряд ли целесообразно усматривать в каждом новом вызове симптом десоверенизации.

Аргументом против глобализации политической сферы является и то, что сегодня по-прежнему не только международное право влияет на национальное, но и национальное – на формирование международно-правовых норм, поскольку таковые вырабатываются как следствие проблем, общих для ряда государств. Что же касается их имплементации в систему национальных законодательств, то есть исполнения тем или иным государством норм международного права путем их включения в национальное право, то, во-первых, это не только объективный процесс, но и проявление субъективной политической воли руководства того или иного государства, а во-вторых, «при прочих равных» (то есть объективных) условиях это происходит сегодня едва ли не чаще, чем, скажем, в XVII в. (когда нормы образовавших Вестфальскую систему Оснабрюкского и Мюнстерского договоров стали частью конституционного закона Священной Римской империи).

Другое дело, что в условиях информационной глобализации, когда СМИ переполнены материалами о внутривнутриполитических и международно-политических процессах и явлениях, справедливым оказывается не только утверждение Карла Фридриха Вайцеккера о том, что наш век – это век «всемирной внутренней политики» (Рормозер 1996), и потому вполне логичной кажется мысль, что для осуществления внешней политики необходим некий наднациональный политический институт – «Мировое правительство». Можно было бы даже утверждать, что пер-

вый шаг на пути создания такого наднационального правительства уже сделан государствами ЕС, но... Вспомним П. Сорокина, утверждавшего, что в самом общем виде социальная и культурная динамика может быть сведена к двум процессам – интеграции и дифференциации (Сорокин 2000: 773). И объединившаяся и институционализировавшая свое объединение Европа служит наглядным подтверждением этого тезиса – достаточно вспомнить не только этнополитические процессы в Бельгии, но и недавний референдум в Каталонии.

О низкой эффективности общеевропейских политических институтов пишут не только отечественные исследователи. Об этом говорил, в частности, профессор Сорбонны Фредерик Лордон, выступая на конференции «Возвращение политэкономии: к анализу возможных параметров мира после кризиса» в сентябре 2009 г., отмечая также опасность «непродуманной политической философии, лежащей в основе политической глобализации»: «Как... известно, создание общественных институтов – это в высшей мере политический вопрос, поскольку поневоле придется иметь дело с темой легитимности и принуждения. Оба этих аспекта обязательно обнаружат свое присутствие в основе подлинного глобального сообщества... Воплощенные в государствах национальные политические сообщества определенно обладают легитимностью и силой для установления правил поведения и разрешения споров в сфере экономики. Однако из этого не следует такого явления, как глобальное политическое сообщество. Из этого следует заключить, что в настоящее время просто не существует политических условий для возможности инициации процесса институционализации в глобальных масштабах. Таким образом, институционализированную глобализацию следует рассматривать как химеру... Поэтому, коль скоро институционализированная глобализация – просто фантазия, нам ничего не стоит ее отбросить и подумать об институционализации общественных институтов, которые бы контролировали процессы мировой экономики, на более низком уровне» (Лордон 2009).

Сказанное представляет интерес не только с точки зрения международных отношений, политологии и глобалистики, но и с точки зрения теории управления. Действительно, один из ее основополагающих принципов гласит, что управление возможно лишь в замкнутом контуре. Таким образом, любой наднациональный политический институт, заменяющий национальные политические институты и «по определению» создаваемый как «размыкающий» контур региона (макрорегиона), обречен на управленческое фиаско, не говоря уже о том, что даже если допустить возможность эффективности на протяжении длительного интервала времени так называемого «Мирового правительства» (понимаемого как совокупность наднациональных – глобальных – политических институтов), мировая система, управляемая таким политическим субъектом, в силу существенного снижения внутрисистемного разнообразия оказалась бы чрезвычайно нестабильной. Поскольку же важнейшей целью любого, в том числе политического, управления является снижение глобальных системных рисков, институциональная политическая глобализация оказывается как минимум бессмысленной (а как максимум – опасной). Такое снижение рисков осуществляется именно за счет укрепления института государства, что и было отмечено Д. А. Медведевым в его выступлении на международной конференции «Современное государство и глобальная безопасность» в сентябре 2009 г. в Ярославле: «Мировой экономической кризис опроверг довольно модные в конце прошлого века рассуждения о снижении роли националь-

ных государств в глобальную эпоху. И ведь не транснациональные компании, не международные организации взяли на себя ответственность за судьбы миллионов людей в мире. Антикризисные программы, стабилизационные меры, социальная защита граждан осуществляются правительствами, осуществляются самими государствами и способствуют нормализации уже, в свою очередь, глобальной экономики» (Медведев 2009).

Надо сказать, что и в том понимании глобального управления, которое восходит к работам И. Канта и Г. Гроция и представляет собой «мироустройство», то есть потребность мирового сообщества как субъекта в управлении своим развитием в рамках международных институтов на основе международного права, отнюдь не предполагается отказ от института национальных государств как субъектов международно-правовых отношений.

В то же время следует учитывать, что информационная глобализация, развитие и применение технологий информационного манипулирования массовым сознанием, ведущее к размыванию социокультурной, а в значительной мере и этнической, и конфессиональной, идентичности, позволяют – в тех случаях, когда это выгодно тем или иным акторам политической коммуникации, – создавать отрицательный имидж государства (как синонима тоталитаризма), а также иллюзию всеобщей политической унификации (и ее привлекательности), равно как и иллюзию неуправляемости трансграничных потоков – финансовых, людских, информационных. И, однако, так называемое «китайское чудо» явилось – и является по сей день – результатом жесточайшего и высокоэффективного контроля над всеми этими потоками (в частности, именно Китай доказал, что тезис о невозможности контроля над Интернетом является не чем иным, как мифом). Поскольку же любая аналогичная политико-управленческая практика будет явно опровергать теорию неуправляемости трансграничных потоков, можно ожидать, что в условиях экологической, экономической, информационной и криминальной глобализации против любого стремящегося или просто потенциально способного усилиться государства его геополитическими конкурентами будут применяться новые технологии войны: формирование экономической зависимости, «экологическая» политика (большая часть экологических проблем являются реально трансграничными и в любой момент могут перерасти в политическую проблему или стать причиной вооруженного конфликта), «рукотворный» (управляемый) хаос (см., в частности: Владимиров 2007; Фурсов 2006; Якунин и др. 2009). Последний является достижением Нового времени, впервые испробованным и отработанным Англией на том же Китае, – речь идет об опиумных войнах. В новейшую эпоху становится все более очевидным, что управляемый хаос приобретает форму «глобальной мятежевойны», гениально предвиденной Е. Э. Месснером полвека назад, и происходит это тем быстрее и легче, что новая информационно-экономическая и социальная реальность способствует разрушению традиционной культурной самоидентификации человека и общественной солидарности (Бекетов 2009: 28).

Однако внедряя в общественное сознание концепты «демократического мира» и «расширения пространства свободы», разрушение общественной солидарности одновременно ставит под вопрос и саму категорию демократии (тем более суверенной демократии), принципиально иным образом заставляя взглянуть на тезисы о «конце истории» и «конце политики». Так, в своей работе «Кризис либерализма» видный представитель немецкой консервативной политической философии про-

фессор университета Хоэнхайм в Штутгарте Г. Рормозер отмечает: «Если распадаются духовные, нравственные, этические и религиозные силы, связывающие людей, с отказом от истории общество теряет также и способность к осуществлению политики. По мере развития этого процесса и распада интегративных сил наступает момент, когда уже невозможно становится формирование коллективной политической воли, поскольку нет уже необходимой для этого реальной общности. Современная демократия культивирует свой основной миф, будто в конечном счете правит и является сувереном сам народ. Только национальная идея делает современное общество способным к осуществлению политики и демократии. Предпосылкой образования наций была общая историческая память, которая разделялась всеми. Черпая свои силы в совместном опыте, в пережитом, в общей истории, нация становится общностью судьбы. В противоположность этому либеральный порядок исходит из того, будто существуют лишь индивиды, наделенные равными правами и объединившиеся на основании договора в государство. Однако в действительности такие обособленные индивиды, самостоятельно преследующие свои интересы в соответствии с договорными отношениями, действуют лишь в сфере экономики» (Рормозер 1996).

Возможности манипуляции общественным сознанием в геополитической сфере в значительной степени облегчаются наличием в современном международном праве двух основополагающих и взаимоисключающих принципов: принципа территориальной целостности государства (нерушимости границ) и права наций на самоопределение. Манипуляция данными принципами позволяет представить содержание концепта международной безопасности не как баланс сил, а как такое управление новым мировым порядком, когда, как отмечает Л. Е. Гринин, «безопасность большинства государств обеспечивает фактически мировое сообщество *в лице наиболее сильных государств* (курсив мой. – О. Т.)»¹ (Гринин 2008: 95), отчего политическая глобализация принимает вид глобальной системы международно-политического «неофеодализма», если не подобия римской клиентелы времен поздней Империи (см.: Данилевский 2005: 10–39; 236–285).

Таким образом, мы имеем дело с подменой понятий: то, что понимается под политической глобализацией, есть не что иное, как «старая добрая» борьба за геополитическую гегемонию, из чего вытекает ряд следствий.

Во-первых, понимаемая подобным образом политическая глобализация обречена заканчиваться кризисом гегемонии в силу уже упоминавшегося положения теории управления. Становясь мировым, то есть «размыкая» контур региона (макрорегиона), гегемон утрачивает возможность геополитического управления, а с ней и собственную гегемонию. Как справедливо отмечает по этому поводу И. А. Чихарев, «современный кризис... представляет собой кризис мироуправления. <...> Организационно-политическая инфраструктура мирового сообщества формируется с конца XV столетия. В ее центре – управленческая деятельность государств-лидеров, инновационных наций, которые в условиях международной конкуренции, проходя отбор в крупных военных конфликтах, создают и развивают основы современной миросистемы: технологическую (от каравелл до систем

---

¹ Весьма показательна в этом смысле и формулировка А. И. Уткина «Гегемония вместо баланса сил», вынесенная в качестве названия главы монографии (Уткин 2001: 16). См. также: Тихомиров 2007: 475 – 484; Вебер 2009: 3–15; Фурсов б. г. б.

глобального позиционирования), финансовую (от нидерландских банков до электронных бирж), информационную (от меркаторовских карт до геоинформационных систем) и политическую (от договоров в Тордесильясе и Вестфалии до Объединенных Наций, ЕС и НАТО). С конца XIX столетия, с появлением и интенсивным развитием мгновенной коммуникации, названные подсистемы качественно усложняются, однако организационно-управленческая инфраструктура остается принципиально неизменной»; между тем на рубеже XX и XXI вв. «ставка была сделана на проект транснационального либерализма, предусматривающего распространение дерегулированной глобализации на основе политической инфраструктуры “демократического мира” и “расширения пространства свободы”. Последним концептам было придано наступательное значение: соответствующие силовые стратегии были реализованы в 2000–2008 гг. неоконсервативной администрацией Дж. Буша-мл.» (Чихарев б. г.).

Во-вторых, государство, основными целями которого являются собственные население и территория, не только было, но и по-прежнему остается главным субъектом (и главным объектом) мирового порядка. Несомненно, в условиях информационно-экономической и социальной глобализации мир, превратившийся в единую миросистему (если вслед за А. Н. Чумаковым [Чумаков 2006: 49–56] использовать термин Валлерстайна не в макроэкономическом, а в собственно системном смысле), становится чрезвычайно чувствителен к локальным социальным процессам, однако чувствителен именно на уровне отдельных государств, причем отнюдь не только оказавшихся «слабым звеном» в борьбе за геополитическую, геоэкономическую и геокультурную гегемонию. Так, «разгосударствление» отдельной территории каждый раз становится серьезной проблемой для большинства государств и межгосударственных объединений и блоков – достаточно упомянуть Афганистан, воюющие государства «Черной Африки» и проблему пиратства. И чем более взаимозависимым становится современный мир, тем с большим основанием к нему оказывается применимо более чем столетней давности высказывание Х. Маккиндера: «Всякий взрыв общественных сил, вместо того, чтобы быть рассеянным в окружающей среде неизвестного пространства и варварского хаоса, будет отрезонирован самыми дальними частями света, и слабые элементы в политическом и экономическом организме мира рассыплются на куски» (цит. по: Parker 1982: 149).

Из того, что государство остается основным субъектом и объектом мирового порядка и борьбы за геополитическую гегемонию, следует, что граница как фундаментальная геополитическая категория отнюдь не исчезает, – подобно тому, как не исчезала она и ранее в условиях ослабления государства и соответственно усиления националистических и этноконфессиональных тенденций. Как показывает политическая история сложносоставных государств, ослабление позиций политического центра на пограничной периферии ведет к восстановлению и повышению значимости прежних административных, этнических, конфессиональных, лингвистических и прочих границ, каждой из которых соответствующий региональный (этнический, конфессиональный) центр стремится придать статус государственной. Это в свою очередь позволяет предположить, что сама категория границы отражает важнейший аспект восприятия территориальности (и государства как формы существования на той или иной территории) на уровне индивидуального и коллективного сознания.

Справедливости ради надо сказать, что пришедшая на смену либеральной модели этатистская тенденция (вызванная и усиленная кризисом) знаменуется «возвращением» в западное и западноориентированное сознание представлений о территориальности – «возвращением» государства, национального суверенитета и государственных границ. Весьма показательным в этом отношении является появление концепта «мир без Запада» как апологии государства: «Суверенные государства получают внутри своих границ возможность устанавливать отношения между правительством и подданными. Эти отношения лишь внешне имеют рыночный характер, но не признают никаких реальных прав либо обязанностей помимо выполнения заключенных соглашений. Легитимность международных институтов ограничивается лишь обслуживанием этих соглашений и достижением заложенных в них целей» (Барма и др. 2008).

Что же касается различного рода неправительственных организаций-сетей – от ТНК до международного терроризма, – то в политической истории можно найти немало примеров конкуренции вертикально-иерархических (государственных) и «горизонтально организованных» структур (примерами последних можно считать и мировые религии до периода их «огосударствления», и военно-монашеские ордена Средневековья), причем каждый раз эта конкуренция заканчивалась приспособлением сетей для нужд государства. Весьма показательным в этом смысле является обращение Ф. Броделя, а затем и И. Валлерстайна, и А. И. Фурсова к примеру «длинного XVI в.», начавшегося эпохой Великих географических открытий (по аналогии с ним А. И. Фурсов использует термин «длинный XXI в.»): именно на этот период приходится очередная победа государства над сетевыми структурами – рыцарскими орденами – и окончательное превращение их в один из инструментов борьбы за геополитическую гегемонию. В скобках заметим, что «расширение ойкумены» и ранее, и ныне требует именно подобного превращения, поскольку если *завоевание* нового пространства (от колониальных территорий до космоса) вполне возможно «актерами вне суверенитета» (от отдельных авантюристов раннего Нового времени до современных ТНК), то *освоение* его (то есть управление) предполагает включение государственного управленческого аппарата. Так, лишь государствам с наиболее эффективными (для своего времени) государственно-управленческими технологиями в начале Нового времени было под силу создавать и поддерживать функционирование инфраструктуры, связывающей метрополию с колониями, и лишь создание *государственного* космического агентства (NASA) позволило Америке осуществить высадку астронавтов на Луне.

Наконец, еще одним следствием, вытекающим из тезиса о подмене понятий «политическая глобализация» и «мировая политическая гегемония», является то, что таковая подмена, будучи сама по себе формой информационной войны (или, если угодно, пропагандистской кампании), чрезвычайно выгодна ведущей ее державе-гегемону. Действительно, если есть естественный процесс политической глобализации, нет никакой политической экспансии. Если есть политическая глобализация, речь перестает идти о территориальной целостности государства, для которого в условиях глобальной политической целостности бессмысленным оказывается сохранение собственных территорий. Если есть политическая глобализация, любое государство может быть превращено из субъекта международных отношений и политического управления в объект таковых, в результате чего ему могут быть навязаны такие политические и экономические взаимоотношения и с

теми объектами политического управления (также некогда бывшими его субъектами), какие и с кем это выгодно державе-гегемону.

Казалось бы, превращение национального суверенитета в вид ресурса в геополитической борьбе, в инструмент политической манипуляции в руках отдельных геополитических акторов должно было бы свидетельствовать в пользу трансформации борьбы за геополитическую гегемонию в политическую глобализацию. И, надо сказать, такое мнение существует (в том числе как навязанное в ходе пропагандистских кампаний), о чем свидетельствует появление таких лексем, как «американская, исламская, европейская [и прочие] модели глобализации». Между тем подобного рода диктат держав-гегемонов прослеживается на примере всей политической истории Нового времени, и подобная манипуляция суверенитетом есть лишь новая его форма. В то же время такой диктат ощущается как глобальный тем в большей мере, чем в большей мере осознается миром наличие в нем всеобщих связей, чем более целостным он себя воспринимает. Неудивительно, что геополитическая гегемония США воспринимается сегодня уже как нечто почти inferнальное (и, по-видимому, с каждым следующим этапом осознания глобализации таковым, если не более зловещим, будет восприятие и каждого следующего мирового гегемона).

В свою очередь по мере осознания миром своей целостности и взаимозависимости и у представителей политического класса державы-гегемона может возникать определенный оптимизм в отношении универсальности транслируемых им ценностей и интересов и заинтересованности мирового сообщества быть их реципиентом. Однако еще основатель и виднейший представитель школы политического реализма Г. Моргантау подвергал критике присущий американской политической и социальной философии оптимизм относительно всеобщности разума и универсальности американских ценностей и интересов, приводящих, по его мнению, к преобладанию во внешней политике США идеализма, морализма и сентиментализма, которым следовало бы противопоставить учет интересов и возможностей других государств. Неслучайно один из принципов теории реализма Моргантау предполагает отказ от отождествления моральных устремлений конкретного государства с универсальными моральными законами, поскольку ни одно государство не обладает монопольным правом ни на добродетель, ни на установление всеобщей моральной нормы (см.: Morgenthau 1952; 1955; 1960).

Итак, мы имеем дело не с политической глобализацией, а с борьбой за геополитическую гегемонию в условиях экологической глобализации и глобального изменения характера – увеличения объема и скорости движения – информационных, людских и финансовых потоков. Для понимания того, по какой причине подобного рода реалии позволяют говорить о ставшем очевидным уже к концу XX в. кризисе Вестфальской системы международных отношений, обратимся к политической истории Европы.

Собственно, Вестфальский договор – два подписанных в 1648 г. мирных соглашения (Оснабрюкское и Мюнстерское), завершивших Тридцатилетнюю войну в Священной Римской империи и Восемидесятилетнюю войну между Испанией и Соединенными провинциями Нидерландов, – положил начало новому порядку в Европе, основанному на концепции государственного суверенитета: согласно нормам, установленным Вестфальским миром, главная роль в международных отношениях, ранее принадлежавшая монархам, перешла к суверенным государствам.

При этом Вестфальский мир не только разрешил те противоречия, которые привели к Тридцатилетней войне, но и явился основой современного европейского менталитета и европейского строительства. Так, уравнив в правах католиков и протестантов и отменив ранее действовавший принцип Аугсбургского мира «чья власть, того и вера», он провозгласил вместо него принцип веротерпимости, снизивший значение конфессионального фактора в отношениях между государствами и ставший зародышем современных «толерантности» и «политкорректности». Вестфальский мир положил конец стремлению Габсбургов расширить свои владения за счет территорий государств и народов Западной Европы и подорвал авторитет Священной Римской империи: старый иерархический порядок международных отношений, в котором германский император считался старшим по рангу среди монархов, был разрушен, и главы независимых государств Европы, имевшие титул королей, были уравнены в правах с императором. При этом, строго говоря, конец Вестфальского мира знаменовали завоевательные походы наполеоновской армии, однако вплоть до недавнего времени сохранялись неизменными основные принципы Вестфальской системы международных отношений, а именно: приоритет национального интереса, принцип баланса сил, приоритет государств-наций и принцип национального (государственного) суверенитета, составными частями которого являются право государства требовать невмешательства в свои дела, равенство прав европейских государств и обязательство выполнять подписанные договоры.

Таким образом, причиной настойчивого стремления геополитического гегемона внедрить в общественное сознание концепт «политической глобализации» является и то, что таковой снимает не только принцип национального суверенитета, но и приоритет государств-наций (кроме геополитического гегемона) и их национальных интересов и принцип баланса сил, а также делает необязательным выполнение державой-гегемоном подписанных договоров.

В то же время, говоря о Вестфальском суверенитете, следует иметь в виду, что он является «преемником» и формой существования династического суверенитета, когда «территории – это данные уже существующие территории, которые удостоверены прежде всего именно этой своей фактичностью, а не какими-то правовыми уложениями» (Филиппов 2006: 187), что вплоть до недавнего времени определялось формулой Макса Вебера: «Государство – это узаконенное право на территорию». Как справедливо отмечает по этому поводу профессор Стэнфордского университета, в недавнем прошлом директор отдела политического планирования Госдепартамента США Стивен Краснер, «легальный международный суверенитет и Вестфальский суверенитет предполагают вопросы власти и легитимности, но не вопрос контроля» (Там же: 188). Между тем в отличие от династического суверенитета – суверенитета «по факту владения» – современный «поствестфальский» суверенитет эпохи экологической, информационно-экономической и «криминальной» глобализации представляет собой суверенитет «по факту контроля». В геополитической плоскости это вопрос нового «передела мира», то есть раздела территорий между геополитическими центрами силы не просто на сферы влияния, но и на сферы ресурсного потребления.

В этих условиях особую актуальность приобретает один из основных постулатов геополитики – спустя столетие после того, как его сформулировал Ф. Ратцель: границы есть периферийный орган государства и как таковой служат свидетель-

ством его роста, силы или слабости и изменений в его организме. Именно возможность политического центра удерживать в сфере своего политического, экономического и культурного влияния собственную пограничную периферию становится сегодня мерой реального национального суверенитета, показателем геополитического статуса того или иного государства, причем нормальное осуществление внутреннего контроля в немалой степени оказывается зависящим от внутренней поддержки и базиса легитимности (Филиппов 2006: 195). В этой связи принципиальной представляется позиция по вопросу суверенитета классика немецкой геополитики К. Шмитта, отмечавшего, что «для реальности правовой жизни важно то, кто решает. Наряду с вопросом о содержательной правильности стоит вопрос о компетенции» (Там же: 194), причем в качестве основного критерия суверенитета Шмиттом была выбрана компетенция объявления чрезвычайного положения: «...поскольку власть есть способность крайнего насилия и поскольку она признается как таковая, можно говорить о политическом единстве, у которого есть власть. Фактически применяемое насилие, фактически вводимое чрезвычайное положение только делают видимыми... базовую рамку или, как принято говорить в современной социологии, фрейм власти. Это единство может быть не признано внешними силами, но говорить о том, что его вообще нет, можно не ранее, чем оно потеряет способность радикального суверенного решения относительно того, кто друг, а кто враг, с кем война, объявляется ли чрезвычайное положение и т. п.» (Там же: 195). В случае Российской Федерации сказанное имеет непосредственное отношение к вопросу разграничения полномочий между федеральным центром и приграничными субъектами Федерации. В частности, в условиях подписания Президентом РФ соглашения об освоении ТЭК Якутии Китаем существенную угрозу национальному суверенитету и территориальному единству России представляет положение конституции Республики Саха (Якутия), в соответствии с которым к компетенции президента данного субъекта РФ до сих пор относится введение и отмена на его территориях или в отдельных его местностях режима чрезвычайного положения (ст. 72)².

В этой связи остро встает вопрос о пограничной политике и пограничной стратегии государства как о специфическом виде политико-управленческой деятельности. Так, исторически термином «пограничная политика» обозначается позиция государства по проблемам, возникающим как во взаимоотношениях с сопредельными государствами именно в силу наличия общих границ, так и в связи с трансграничными коммуникациями в целом, а также касательно путей и методов решения таковых проблем. В эпоху глобализации, однако, речь уже должна идти о пограничной политике как о государственном управлении приграничными регионами, то есть практически о центрально-периферической организации государства – совокупности элементов, процессов и действий, ведущих к эволюции взаимосвязей между пограничной периферией и политическим центром государства.

Задаваясь вопросом о том, что же связывает политический центр и пограничную периферию государства, следует выделить прежде всего культурные смыслы, исторически сформированные (и находящие отражение в «официальной» истории), заложенные в национальной идее и государственной идеологии и воспроиз-

---

² Подробнее о политико-правовом аспекте проблемы разграничения компетенции между федеральным центром и приграничными субъектами РФ см.: Тынянова 2008: 149–157.

водящиеся в образовательном процессе, культурные «маркеры» пространства, язык, а также инфраструктуру – как правовую, так и инфраструктуру в собственном смысле слова (транспортную, городскую, энергетическую, социальную, инженерную, военно-инженерную).

Именно состоянием совокупности этих элементов и определяется в настоящее время состояние пограничной безопасности страны. В этой связи несколько подробнее хотелось бы остановиться на проблеме города: именно он в условиях «криминальной глобализации» и «управляемого» хаоса принимает на себя основные тяготы «глобальной мятежной войны», главным театром которой становится психологическая сфера. Именно приграничные города (в том числе и малые, и моногорода), где вырабатываются представления о картине окружающего мира, включающие все символы-формы общественной жизни и быта, где в образовательном процессе воспроизводятся национальная идея и образы пространства – собственного и сопредельного, – становятся важнейшим фактором национальной безопасности: «глобальная мятежная война» превращает каждый из них одновременно и в укрепленный район, и в культурный «маркер» пространства, «плацдарм» геокультурного влияния центра на пограничную периферию. В России этот вопрос приобретает особую остроту, поскольку культурно-психологическое давление на жителей приграничных регионов оказывается как со стороны так называемых «национально-освободительных» (сепаратистских по сути) движений, ведущих партизанскую войну за отторжение части территории страны по этноконфессиональному принципу, так и со стороны ряда государств – традиционных субъектов «классической» войны, одновременно активизирующих и политику силы в собственном смысле (в форме традиционного военного строительства), и политику «мягкой силы» (“soft power”) – культурное давление на приграничные регионы. Весьма показателен здесь пример Китая, модернизирующего свои вооруженные силы и осуществляющего политику «мирной экспансии» в отношении дальневосточных и сибирских приграничных территорий РФ, в том числе путем внедрения на них «китайского элемента» в городскую культуру и образовательную среду; это тем более чревато серьезными геополитическими последствиями, потому что происходит в отсутствие у России национальной идеи и внятно артикулированной государственной идеологии, а также в условиях слома отечественной образовательной традиции.

Стратегическое значение инфраструктуры приграничных территорий состоит и в образовании за счет нее опорного каркаса – остова, придающего территории определенную конфигурацию, формирующего и «держашего» ее в качестве «пространственной скрепы» между центром и пограничной периферией, и способность элементов военно-инженерной инфраструктуры трансформироваться со временем в гражданскую превращает ее в социально-политическую опору государства в приграничных регионах, а сотрудников пограничных органов – в представителей центральной власти. В свою очередь и принципы организации пограничной службы (наряду с принципами военного строительства) исторически выполняли функцию «пространственной скрепы», особенно в случае сложносоставных государств с высокой степенью этнической, политико-административной, хозяйственной и цивилизационной гетерогенности пограничной периферии, что в современных условиях позволяет видеть в пограничной службе «несущий» элемент противодействия не только «криминальной», но и политической глобализации.

Весьма показателен в этом смысле пример пограничной политики ФРГ, составляющей (вместе с Францией) ядро Евросоюза: фактическое превращение во-

сточных соседей Германии в «привратников» ЕС, увеличение численности (и технической оснащённости) Федеральной пограничной охраны прежде всего на восточном направлении, а также создание и поддержание усилиями СМИ негативного образа «эмигранта с востока» (Буршель б. г.) свидетельствуют отнюдь не в пользу глобальной унификации политического пространства и всеобщего «размывания» границ. Другое дело, что концепция «прозрачности границ» успешно применяется в отношении *внутренних* границ объединённой Европы, поскольку между объединяющимися сторонами согласованы все политические и экономические вопросы, отсутствуют территориальные претензии и ликвидированы причины, способные породить конфликты. Однако, как показывает пример Германии, барьерные функции *внешних* границ ЕС, все более приобретающих вид «крепости Европы», увеличиваются в той же степени, в какой снижаются внутри Евросоюза, причем гарантом безопасности этих границ выступает блок НАТО, что наглядно подтверждает еще одно положение теории политического реализма Г. Моргантау: базовым понятием мировой политики по-прежнему остается национальный интерес, определяемый в терминах власти/силы, содержание которого, равно как и способ властвования, обусловлено политическим и культурным контекстом. Как показывает современная политическая практика, концепт «национального интереса», в эпоху расцвета либеральной парадигмы рассматривавшийся наравне с государством в качестве «уходящей натуры» (см., например: Rosenau 1990; Цыганков 1994) и подвергавшийся критике даже такого приверженца политического реализма, как Р. Арон (Aron 1984: 97–102), сохранил свое значение и с выходом на международно-политическую арену «актеров вне суверенитета» – негосударственных субъектов мировой политики, поскольку таковые либо имеют своей целью создание собственного государства (или квазигосударства), либо (вольно или невольно) в конечном итоге реализуют интересы «третьих» геополитических центров силы.

Сохранение (несмотря на активное внедрение концепта «политической глобализации») национального интереса в качестве фундаментальной категории международных отношений и геополитики находит свое отражение в нарастании в государствах и Евросоюзе, и АТР тенденции к расширительной трактовке категории национальной безопасности и секьюритизации таких сфер, как энергетика и экономика в целом и даже Интернет. В этих условиях проводимый политической элитой России курс на десекьюритизацию границы – выведение пограничных проблем из сферы безопасности – свидетельствует об отказе от политики национальных интересов, несмотря на все попытки прикрыться государственнической риторикой. В пользу такого понимания десекьюритизации говорят и перенесение на пограничное пространство России интеграционной модели так называемой «старой» Европы и формата «прозрачных» внутренних границ Евросоюза, в том числе в форме лишения пограничной службы военной компоненты (в условиях значительного снижения уровня обороноспособности ВС России и сокращения численности пограничных органов при сохранении Россией своих коалиционных обязательств по охране государственных границ ряда членов СНГ и ЕврАзЭС), и реорганизация пограничной службы РФ по административно-территориальному принципу. Подобный подход к пограничному строительству и в предыдущие исторические эпохи неоднократно приводил к распаду сложносоставных государств; современная же российская «суверенная демократия» реализует его в условиях сохранения нормативной правовой базы этнополитической дезинтеграции погра-

ничного пространства страны, олигархизации (и «феодализации») региональной власти и критического с точки зрения территориальной безопасности России различия в развитости инфраструктуры приграничных регионов, особенно между европейской и азиатской частями страны.

Подобного рода пограничную политику, являющуюся наглядным примером успешной информационной войны, проходящей под лозунгом политической глобализации, весьма недвусмысленно характеризует высказывание И. Зевелева времен первого президентского срока В. Путина: «Путин же делает... шаги, которые можно назвать “десекуритизацией”. Он выводит трения, существующие у России во взаимоотношениях с Западом, из сферы безопасности. (...) Происходит переосмысление места России в мире и в системе международной безопасности. Путин... акцентирует не роль России как самостоятельного центра силы, а ее интеграцию

в мировое сообщество. Он заявляет о своем стремлении интегрировать Россию в мир, где Запад в целом и – прежде всего – США лидируют. Путин приступил к изменению проецируемого в мире образа России: желаемый им образ – это не центр силы в многополярном мире, а европейская страна» (Зевелев 2002).

«Второе пришествие» государства как субъекта мировой политики и концепта «национального интереса» (а также таких его постоянных спутников, как геополитика и геостратегия) со всей остротой потребовало пересмотра теоретико-методологических подходов к исследованию территориальности применительно к условиям экологической и информационной глобализации. При этом, говоря о кризисе Вестфальской системы международных отношений и суверенитета, следует отметить и проблему кризиса современной геополитики (Миньяр-Белоручев 2008: 207) и геополитологии («отрасли, занимающейся геополитикой как изучаемым типом политической мысли и политической практики» [Цимбурский б. г.]). Согласимся с мнением П. М. Галлуа (Gallois 1990) и его интерпретацией П. А. Цыганковым: «...революция в средствах связи и транспорта, развитие информатики и появление новейших видов вооружений радикально изменяют отношения человека и среды, представления о „больших пространствах“ и их роли» (Цыганков 1994). Однако, как уже отмечалось выше, эти проявления информационной глобализации и научно-технического прогресса едва ли «делают устаревшим и недостаточным понимание силы и могущества государства как совокупности его пространственно-географических, демографических и экономических факторов» (Там же): здесь, по-видимому, следует говорить лишь о том, что сегодня такое понимание становится возможным только в рамках междисциплинарного подхода.

Междисциплинарными становятся сегодня и исследования пограничного пространства государства, образовавшие недавно выделившуюся из геополитики самостоятельную отрасль научного знания – погранологию, требующую разработки собственной теоретико-методологической базы. Помимо унаследованной от самой геополитики теоретико-методологической неопределенности, затрудняющей выявление причинно-следственных связей, проблемами новой отрасли знания стали неоднозначность и размытость дефиниций и то, что, несмотря на частое употребление применительно к пограничной сфере терминов «система» и «системный анализ», эта сфера практически не рассматривается в качестве сложной системы, так

что при ее изучении не используются ни системный, ни системно-деятельностный (см., например: Щедровицкий 1983; Юдин 1997; Поздняков 2008), ни информационно-деятельностный (Полищук 2002; Арлычев 2005) подходы. Поскольку же по-прежнему значительным остается разрыв между естественно-научным и гуманитарным знанием, практически не допускающим какую бы то ни было обусловленность социальных процессов и явлений природными (физическими, биологическими, космическими и пр.) факторами, анализ геополитических процессов осуществляется вне связи с природной средой. Результат – абсолютизация социального детерминизма (тут же делающего исследователя «жертвой» теоремы о неполноте К. Гёделя) и избыточная «мифологизация» геополитики, превращающая ее из сферы научного знания в форму мистического учения, в чем в значительной мере кроются истоки малой креативности современной отечественной (и не только) теоретической и практической геополитики, подменяющей геополитическое моделирование малопродуктивными с методологической точки зрения рассуждениями о положении России между Востоком и Западом и об одно-, двух- или многополярном мире, а государственную политику и стратегию – ситуационным реагированием.

При этом, как ни парадоксально, современная геополитическая методология оказывается одинаково равнодушной и к физике, и к метафизике. Так, с одной стороны, ни многочисленные исследования в области ритмов и циклов живой природы, социально-экономического развития и исторического процесса (и признание продуктивности «натуралистического» – организменного, гомеостатического – подхода [см., например: Долматова 2009; Теслинов 2000; 2001]), ни традиции философии космизма практически не повлияли на отношение не только геополитики, но и в целом современного обществознания к социально-политической сфере как к «высшей» по отношению к «низшей» области физических закономерностей, что до сих пор аргументируется ссылками на физикализм XVIII в., – хотя представители квантовой физики (начиная с Э. Шрёдингера) неоднократно отмечали значительное сходство между «квантовой» реальностью и картиной мира религиозно-философских концепций Востока (см., например: Шрёдингер 2005; Капра 1994; Данилевский 2005). С другой стороны, метафизика до сих пор либо остается едва ли не «ругательным» термином, либо используется в качестве теоретического обоснования «геополитического мистицизма и эзотеризма». Между тем глобализация делает все более актуальными исследования таких метафизических проблем, как онтология геополитического мира и основы «тождества личности», в том числе «системной памяти»³, связывающей воедино сегодняшнюю политическую и социальную идентичность человека с его предшествующими политическими и социальными идентичностями.

Таким образом, ответ на вызов «кризиса мироуправления» предполагает осмысление возрастающей роли государства и государственных границ (а с ними и политической идентичности) как «несущих» элементов глобальной миросистемы, обеспечивающих ее жизнеспособность, и выработку научной парадигмы геополитики и геостратегии на основе междисциплинарного подхода. При этом необходимость поиска адекватного ответа на вызовы глобализации все настоятельнее требует возвращения отечественного научного сообщества на позиции политиче-

³ Термин С. Н. Гринченко (см.: Гринченко 2004).

ского реализма, если, конечно, таковое научное сообщество мыслит свое участие в глобализационных процессах в качестве их субъекта, а не объекта.

Литература

Арлычев, А. Н. 2005. *Сознание: информационно-деятельностный подход*. М.: КомКнига. (Arlychev, A. N. 2005. *Consciousness: information and activity approach*. Moscow: Komkniga).

Барма, Н., Вебер, С., Ратнер, Э. 2008. Мир без запада. *Россия в глобальной политике* 4. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/numbers/33/9969.html> (Barma, N., Weber, S., Ratner, E. 2008. *A world without the West. Russia in Global Policy* 4. Internet resource. Accessed: <http://www.globalaffairs.ru/numbers/33/9969.html>).

Бекетов, Н. В. 2009. Глобализация как процесс формирования информационно-экономического пространства: социальные аспекты развития мировой и национальной экономических систем. *Век глобализации* 1: 28–32. (Beketov, N. V. 2009. *Globalization as a process of formation of information and economic space: social aspects of development of the world and national economic systems*. *Age of Globalization* 1: 28–32).

Бородачев, Т. 2009. *Новый стратегический союз. Россия и Европа перед вызовами XXI века: возможности «большой сделки»*. М.: Европа. (Borodachev, T. 2009. *New strategic union. Russia and Europe before twenty-first century challenges: possibilities of 'the great bargain'*. Moscow: Europe).

Буршель, Ф. [Б. г.] Вовлечение населения в деятельность пограничной службы Германии на немецко-польской границе. Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.indepsocres.spb.ru/bursh_r.htm (Burschel, F. [no date] *Involvement of the border-population in the German Border regime at the German-Polish border*. Internet resource. Accessed: http://www.indepsocres.spb.ru/bursh_r.htm).

Вебер, А. Б. 2009. Современный мир и проблема глобального управления. *Век глобализации* 1: 3–15. (Veber, A. B. 2009. *Modern world and the problem of global management*. *Age of Globalization* 1: 3–15).

Владимиров, А. И. 2007. *Концептуальные основы Национальной стратегии России: политологический аспект*. М.: Наука. (Vladimirov, A. I. 2007. *Conceptual framework of the National strategy of Russia: political aspect*. Moscow: Nauka).

Голдстоун, Дж. 2009. Где искать источники экономического роста в нашем изменчивом мире? *Международная конференция «Возвращение политической экономики: к анализу возможных параметров мира после кризиса»*. Москва, 11–12 сентября. *Стенографический отчет*. Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.inop.ru/files/polit_teor_st_1.doc (Goldstone, J. 2009. *Where should we look for sources of economic growth in our changing world? International Conference 'Return of political economy: to the analysis of possible parameters of the world after crisis'*. Moscow, September 11–12. *Verbatim report*. Internet resource. Accessed: http://www.inop.ru/files/polit_teor_st_1.doc).

Гринин, Л. Е. 2008. Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета. *Век глобализации* 1: 86–97. (Grinin, L. E. 2008. *Globalization and processes of transformation of national sovereignty*. *Age of Globalization* 1: 86–97).

Гринченко, С. Н. 2004. *Системная память живого (как основа его метаэволюции и периодической структуры)*. М.: ИПИ РАН, Мир. (Grinchenko, S. N. 2004. *System*

memory of life (as the basis of its metaevolution and periodic structure). Moscow: Institute of Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences, The World).

Данилевский, И. В. 2005. *Структуры коллективного бессознательного: Квантовоподобная социальная реальность*. 2-е изд., испр. и доп. М.: КомКнига. (Danilevsky, I. V. 2005. Structures of the collective unconscious: The quantumlike social reality. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Komkniga).

Долматова, С. 2009. Как устойчивый рост подменил жизнеспособное развитие. *Международная жизнь* 2–3. (Dolmatova, S. 2009. As a steady growth has changed viable development. International Life 2–3).

Зевелев, И. 2002. Россия и США в начале нового века: анархия – мать партнерства. *Pro et Contra* 7(4). (Zevelev, I. 2002. Russia and the USA at the beginning of the new century: the anarchy is an ancestor of partnership. Pro et Contra 7(4)).

Капра, Ф. 1994. *Дао физики. Исследование параллелей между современной физикой и мистицизмом Востока*. СПб.: ОРИС, ЯНА-ПРИНТ. (Capra, F. 1994. The Tao of Physics. An exploration of the parallels between modern physics and Eastern mysticism. Saint Petersburg.: ORIS, YANA-PRINT).

Лордон, Ф. 2009. Адье, глобализация! Выход из кризиса в регионализацию. *Международная конференция «Возвращение политической экономики: к анализу возможных параметров мира после кризиса»*. Москва, 11–12 сентября. *Стенографический отчет*. Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.inop.ru/files/polit_teor_st_1.doc (Lordon, F. 2009. Adieu, globalization! Recovery from the crisis to regionalization. International Conference 'Return of political economy: to the analysis of possible parameters of the world after crisis'. Moscow, September 11–12. Verbatim report. Internet resource. Accessed: http://www.inop.ru/files/polit_teor_st_1.doc)

Медведев, Д. А. 2009. Выступление на международной конференции «Современное государство и глобальная безопасность» 14 сентября 2009 г. Ярославль. *Президент России. Выступления и стенограммы*. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5469> (Medvedev, D. A. 2009. A speech at the International Conference 'Modern State and Global Safety' on September 14, 2009 Yaroslavl. The President of Russia. Speeches and transcripts. Internet resource. Accessed: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5469>).

Миньяр-Белоручев, К. В. 2008. Российская геополитика в контексте глобализации: проблемы методологии. В: Абылгазиев, И. И., Ильин, И. В. (ред.), *Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания*. М.: ФГП МГУ. (Minyar-Beloruchev, K. V. 2008. Russian geopolitics in the context of globalization: methodology problems. In Abylgaziev, I. I., Ilyin, I. V. (eds.), Global Studies as an area of scientific research and a sphere of teaching. Moscow: The Global Processes Faculty of Moscow State University).

Поздняков, А. И. 2008. *Системно-деятельностный подход в военно-научных исследованиях*. М.: ВАГШ. (Pozdnyakov, A. I. 2008. System and activity approach in military and scientific researches. Moscow: The Military Academy of the Chief Headquarters of the Armed Forces of the RF).

Полищук, С. В. 2002. Информационно-деятельностная структура знания и информационный подход. *Межрегиональная научно-практическая конференция «Подготовка специалистов в современных условиях: ценности, цели, результаты»*: сб. материалов. Абакан. (Polishchuk, S. V. 2002. Information and activity structure of knowledge

and information approach. Interregional Scientific and Practical Conference 'Training of specialists in modern conditions: values, purposes, results': a collection of materials. Abakan).

Рормозер, Г. 1996. *Кризис либерализма* / пер. с нем. М.: ИФ РАН. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/iphras/library/rormoz.html> (Rormoz, G. 1996. Crisis of liberalism / transl. from German. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Internet resource. Accessed: <http://www.philosophy.ru/iphras/library/rormoz.html>).

Сорокин, П. А. 2000. *Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений*. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного ин-та. (Sorokin, P. A. 2000. Social and cultural dynamics. Research of changes in big systems of art, truth, ethics, law and public relations. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute).

Теслинов, А. (Teslinov, A.)

2000. Гомеостаты в естественных целостностях. В: Горский, Ю. М. и др. (сост.), *Гомеостатика живых, природных, технических и социальных систем*. М.: СГИ. (2000. Homeostats in the natural integrity. In Gorskiy, Yu. M., et. al. (eds.), Homeostatics of living, natural, technical and social systems. Moscow: Modern Humanitarian Institute).

2001. Гомеостатика в организационном управлении. *Информационные технологии в науке, образовании, телекоммуникации и бизнесе: Труды XXVIII Международной конференции IT+SE'2001*. Ялта; Гурзуф. (2001. Homeostatics in the organizational management. Information technologies in science, education, telecommunication and business: Works of the 28th International Conference IT+SE' 2001. Yalta; Gurzuf).

Тихомиров, Ю. А. 2007. *Управление на основе права*. М.: Формула права. (Tikhomirov, Yu. A. 2007. Management on the basis of law. Moscow: Law Formula).

Тынянова, О. Н. 2008. Сила и слабость вертикали власти. *Россия в глобальной политике* 6(4): 149–157. (Tunyaonova, O. N. 2008. Force and weakness of the power vertical. Russia in Global Policy 6(4): 149–157).

Уткин, А. И. 2001. *Мировой порядок XXI в.* М.: Издатель Соловьев; Алгоритм. (Utkin, A. I. 2001. The world order of the 21st century Moscow: Solovyov Publisher; Algorithm).

Филиппов, А. 2006. Суверенитет как политический выбор. В: Гараджа, Н. (сост.), *Суверенитет*: сб. М.: Европа. (Filippov, A. 2006. Sovereignty as a political choice. In Garadzha, N. (ed.), Sovereignty: collected works. Moscow: Europe).

Фурсов, А. И. (Fursov, A. I.)

2006. Рукотворный кризис. *Золотой Лев* 95–96. Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.zlev.ru/95_10.htm (2006. Man-made crisis. Golden lion 95–96. Internet resource. Accessed: http://www.zlev.ru/95_10.htm).

[Б. г. а] Корпорация-государство. Доклад на заседании клуба «Красная площадь». Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.intelros.ru/index.php?newsid=124> ([n. d. a] Corporation-state. A report at the meeting of 'Red Square' Club. Internet resource. Accessed: <http://www.intelros.ru/index.php?newsid=124>).

[Б. г. б] Силовая глобализация. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://rutube.ru/tracks/2102222.html?v=a02834bf8958a8c268e616c0ebc13b82> ([n. d. б] Power globalization. Internet resource. Accessed: <http://rutube.ru/tracks/2102222.html?v=a02834bf8958a8c268e616c0ebc13b82>).

Цимбурский, В. Л. [Б. г.] Геополитика как мировидение и род занятий // Библиотека РГИУ. Интернет-ресурс. Режим доступа http://www.i-u.ru/biblio/archive/cimburskiy_geopolitica_as_mirovidenie/#top (Tsimbursky, V. L. [no date] Geopolitics as worldview and occupation // Library of the Russian Humanitarian Internet University. Internet resource. Accessed: http://www.i-u.ru/biblio/archive/cimburskiy_geopolitica_as_mirovidenie/#top).

Цыганков, П. А. 1994. Геополитика: последнее прибежище разума? *Вопросы философии* 7–8. Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.philosophy.ru/library/vopros/66.html#_ednref13 (Tsygankov, P. A. 1994. Geopolitics: the last refuge for reason? *Philosophical Questions* 7–8. Internet resource. Accessed: http://www.philosophy.ru/library/vopros/66.html#_ednref13).

Чихарев, И. А. [Б. г.] Кризис мироуправления. Сетевой портал журнала «ПОЛИС». Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.polisportal.ru/Chicharev_crisi.html (Chikharev, I. A. [no date] Crisis of the world governance. Network portal of the journal 'POLIS'. Internet resource. Accessed: http://www.polisportal.ru/Chicharev_crisi.html).

Чумаков, А. Н. 2006. *Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст*. М.: Канон+, Реабилитация. (Chumakov, A. N. 2006. *Metaphysics of globalization. Cultural and civilization context*. Moscow: Canon +, Rehabilitation).

Шрёдингер, Э. 2005. *Мой взгляд на мир* / пер. с нем. Р. В. Смирнова. М.: КомКнига. (Shrödinger, E. 2005. *My view on the world* / transl. from German by R. V. Smirnova. Moscow: Komkniga).

Щедровицкий, Г. П. 1983. Системодетальный подход в анализе и оценке места и функций естественно-научных картин мира в современном мировоззрении. *Научная картина мира как компонент современного мировоззрения: материалы симпозиума*. М.; Обнинск. (Schedrovitsky, G. P. 1983. The systemic-pragmatic approach to the analysis and assessment of the role and functions of the natural-scientific perception in the modern worldview. The scientific view of the world as a component of the contemporary worldview: Proceedings of the Symposium. Moscow - Obninsk).

Юдин, Э. Г. 1997. *Методология науки. Системность. Деятельность*. М.: УРСС. (Yudin, E. G. 1997. *Methodology of science. Systematicity. Activity*. Moscow: URSS).

Якунин, В. И., Багдасарян, В. Э., Сулакшин, С. С. 2009. *Новые технологии борьбы с российской государственностью*. М.: Научный эксперт. (Yakunin, V. I., Bagdasaryan, V. E., Sulakshin, S. S. 2009. *New technologies of fight against the Russian statehood*. Moscow: Scientific expert).

Aron, A. 1984. *Paix et Guerre entre les nations*. Paris: Calmann-Lévy.

Gallois, P. M. 1990. *Geopolitique. Le voies de la puissance*. Paris: Plon.

Morgenthau, H. J.

1952. *A Critical Examination of American Foreign Policy*. New York: Alfred A. Knopf.

1955. *Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace*. 2nd ed. New York: Alfred A. Knopf.

1960. *The Purpose of American Politics*. New York: Alfred A. Knopf.

Parker, W. H. 1982. *Mackinder. Geography as an Aid to Statecraft*. Oxford: Clarendon Press.

Rosenau, J. 1990. *Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity*. Princeton, NJ: Princeton University Press.